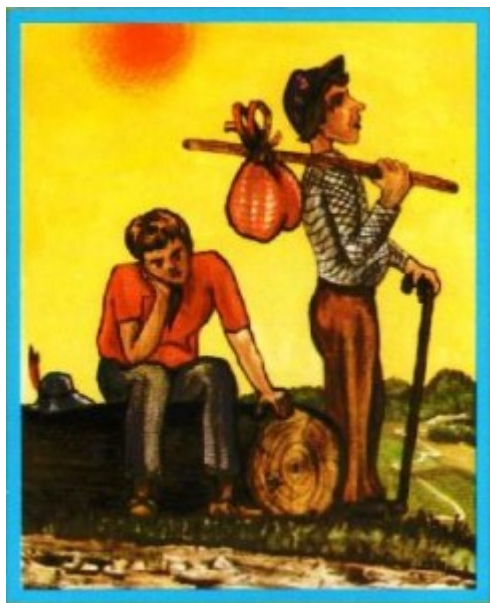

Сказки братьев Гримм. Два странника

Гора с горой не сходится, а человек с человеком, и добрый, и злой, где-нибудь все же сойдутся. Вот так-то однажды на пути сошлись портной с башмачником. Портной был небольшого роста, красивый малый и притом всегда веселый и довольный. Он увидел издали башмачника, и так как он по его котомке узнал уже, каким ремеслом тот занимается, то он ему в насмешку и спел:

Эй, башмачник, не спи,
Швы все дратвой закрепи,
Все кругом смолой залей
И гвоздочки все забей.

Башмачник шутить не любил: наморщил рожу, словно уксусу напился, и намеревался ухватить портного за шиворот. Но весельчак-портной стал смеяться, подал ему свою фляжку и сказал: «Ведь это я шутя! Вот на-ка отхлебни, да и уйми свою желчь».

Башмачник, и точно, здорово отхлебнул из фляги, и по лицу его стало заметно, что гроза рассеялась. Он возвратил флягу портному и сказал: «Я отхлебнул из нее порядком; ну, да что об этом говорить? Пилось бы, пока пить хочется! А не хочешь ли ты

со мною вместе идти путем-дорогою?» – «И прекрасно, – отвечал портной, – если только ты не прочь идти со мною в большой город, где и в работе не бывает недостатка». – «Вот именно туда-то я и направлялся! – сказал башмачник. – Ведь в небольшом местечке и заработаешь немного; а в деревнях люди охотнее босиком ходят, чем в сапогах».

И пошли они далее уже вместе. Досуга-то у них обоих было довольно, а покушать-то им было почти нечего.

Придя в большой город, они всюду ходили и бродили, всюду свое ремесло предлагали, и портному везло не на шутку...

Он был такой свежий, да розовый, да веселый, что каждый охотно давал ему работу; а посчастливится, так еще и от хозяйской дочки то здесь, то там поцелуйчик перепадет.

Когда он сходил с башмачником, то в его узле было всегда больше добра. Угрюмый башмачник скроит, бывало, сердитую рожу, и сам про себя думает: «Чем человек лукавее, тем и счастья ему больше!» Однако же портной начинал хохотать, а то и запевал песенку, и все полученное делил с товарищем пополам. А если шевелилась в его кармане пара геллеров, то он еще и угостит, бывало, да по столу от радости стучит так, что вся посуда пляшет, – и это называлось у него: «Легко заработано, живо и спущено».

Пространствовав некоторое время, пришли они однажды к большому лесу, через который пролегала дорога к городу, где жил король. Но через лес вели две тропинки – одна в семь дней пути, другая – всего в два. Однако же ни один из них не знал, которая из тропинок короче.

Оба странника наши уселись под дубом и стали совещаться, как они запасутся и на сколько дней возьмут с собой хлеба. Башмачник и сказал: «Надо на большее время рассчитывать – я возьму на всякий случай хлеба на семь дней с собой». – «Что-о? – воскликнул портной. – Чтобы я стал на своей спине тащить запас хлеба на семь дней, словно вьючная скотина, так что и шею повернуть нельзя будет! Нет, я на Бога надеюсь и ни о чем не стану заботиться! Ведь деньги у меня в кармане и зимой, и летом те же, а хлеб-то в жаркое время не только засохнет, а еще и заплесневевает. И платье себе не шью с запасом... Как это

может быть, чтобы мы не нашли настоящей дороги? Возьму себе запасу на два дня – и вся недолга».

И вот каждый купил себе свой запас хлеба, и пустились оба в лес наудачу. В лесу было тихо, как в церкви. Ни ветерок не веял, ни ручей не журчал, ни птички не пели, и сквозь густолиственные ветви не проникал ни один солнечный луч.

Башмачник не говорил ни слова; он так устал под тяжестью своего хлебного запаса, что пот струями катился с его сумрачного и сердитого лица. А портной был веселешенек, подпрыгивал, насвистывал или напевал песенку и думал про себя: «И Бог на небе радуется, видя меня такого веселого».

Так шло дело два дня сряду, но когда на третий день лесу все не было конца, а портной-то уж весь свой хлеб съел, то он невольно стал падать духом, однако все еще бодрился, возлагая надежду на Бога и на свое счастье. На третий день он лег вечером под деревом голодный и на следующее утро голодным же и поднялся. То же было и на четвертый день.

Когда башмачник садился на поваленное дерево, чтобы съесть свою порцию хлеба, портному – увы! – приходилось только смотреть на это со стороны. Если он просил кусочек хлеба у товарища, тот только посмеивался и говорил: «Ты был постоянно такой веселый, ну, так теперь попробуй, каково невеселым быть! Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела!» – одним словом, он был к нему безжалостен.

Но на пятое утро бедный портной не мог уж и на ноги подняться и от истощения с трудом мог произнести слово; щеки его побледнели, а глаза покраснели. Тогда башмачник сказал ему: «Сегодня я тебе дам кусочек хлеба, но за это я тебе выколю правый глаз». Несчастный портной, которому очень жить хотелось, не смог избежать этой жестокости: поплакал он еще раз обоими глазами и затем подставил их под острый нож бессердечного башмачника, который и выколол ему правый глаз. Тут пришло на память портному то, что говаривала ему в детстве мать, когда, бывало, он чем-нибудь полакомится в кладовой: «Ешь столько, сколько можешь, а терпи столько, сколько должно».

Когда он съел свой столь дорого оплаченный кусок хлеба, он

опять вскочил на ноги, позабыл о своем несчастье и утешал себя хоть тем, что он одним-то глазом еще может хорошо видеть.

Но на шестой день пути голод сказался снова и защемил его сердце. Он почти упал под дерево и на седьмое утро уже не мог от слабости подняться: он видел смерть у себя за плечами. Тут башмачник и сказал ему: «Я хочу из сострадания дать тебе и еще один кусок хлеба; но даром не дам, а выколю тебе еще и другой глаз за это».

Тут только осознал портной все свое легкомыслие, стал просить милосердного Бога о прощении и сказал башмачнику: «Делай, что ты должен делать, а я постараюсь все вынести; но помысли о том, что Господь Бог наш не сразу произносит свой суд на человеком: придет, пожалуй, и иной час, в который ты получишь возмездие за злодеяние, не заслуженное мною. Я при удаче делился с тобой всем, что у меня было. Мое ремесло все в том, чтобы стежок на стежок сажать... Ведь если ты лишишь меня обоих глаз, то мне останется только одно – идти нищенствовать. Сжался же надо мною и хотя бы не покидай меня в лесу».

Но башмачник, позабывший о Боге, вынув нож, выколол портному и левый глаз. Затем он дал ему кусок хлеба, подал ему конец палки в руку и повел его вслед за собою.

Когда солнце закатилось, они вышли из лесу; перед лесом на поляне стояла виселица. Туда-то и привел башмачник своего слепого спутника, покинул его около виселицы и пошел своею дорогою. Измученный усталостью, болью и голодом, несчастный заснул и проспал всю ночь.

Чуть утро забрезжилось, он проснулся, но не знал, где он лежит. А на виселице висели двое горемык, и у каждого на голове сидело по ворону. Вот и начал один из висельников говорить другому: «Брат мой, спишь ты или нет?» – «Нет, не сплю!» – отвечал ему другой висельник. «Так вот что я тебе скажу, – заговорил снова первый, – роса, которая нынешнею ночью падала на нас с виселицы, обладает особою способностью – она возвращает зрение каждому, кто ею омоет глаза. Кабы это знали слепцы, так снова могли бы получить зрение, а им это даже и в голову не приходит».

Услышав это, портной вытащил платок из кармана, омочил его

росою в траве и отер им свои глазные впадины. Вскоре после того портной увидел, как солнце стало вставать из-за горы, и перед ним на равнине раскинулся большой королевский город, с его дивными воротами и сотнями башен, и загорелись, заискрились на островерхих вышках золотые кресты и золотые яблоки...

Он мог различить каждый листок на деревьях, увидел снова птиц, летавших мимо, и мошек, которые толклись в воздухе. Он вынул иглу из кармана, и когда убедился, что может по-прежнему вдеть нитку в ушко, сердце его запрыгало от радости.

Он упал на колени, благодарил Бога за оказанную ему милость и прочел утреннюю молитву; не забыл он помолиться и за бедных грешников, которые покачивались на виселице. Затем он вскинул свой узелок на плечо, махнул рукою на перенесенные сердечные муки и пошел далее, припевая и посвистывая.

Первое, что ему встретилось на пути, был гнедой жеребенок, носившийся по полю на полной свободе. Портной схватил было его за гриву, собираясь вскочить на него и проехать на нем в город, но жеребенок стал просить, чтобы он его освободил. «Я еще слишком молод, – сказал он, – и даже тощий портняжка, как ты, может мне сломать спину; пусти меня побегать, куда я окрепну. Может быть, придет и такое время, когда я тебя за это вознагражу». – «Ну, что же? Побегай, – сказал портной, – вижу я, что ты до этого Охотник».

Он еще прихлестнул его маленько хворостинкой, и тот, от радости вскинув вверх задние ноги, помчался в открытое поле, перепрыгивая через изгороди и рвы.

Но портняга-то со вчерашнего дня ничего не ел. «Солнце-то теперь вижу, – говорил он сам себе, – а хлеба во рту ни крошки не чую. Первое, что встречу на пути, хотя бы и не очень съедобное, не уйдет от моих рук».

Как раз в это время аист преважно расхаживал по лугу. «Стой, стой! – закричал портной, хватая его за ногу. – Не знаю, годен ли ты в пищу или нет, но мой голод не позволяет мне долго разбирать – сверну тебе голову да зажарю». – «Не делай этого, – сказал аист, – я птица священная, никто мне зла никакого не делает, а я сам приношу людям немалую пользу. Коли ты пощадишь

меня, сохранишь мне жизнь, я тебе сам когда-нибудь пригожусь». – «Ну, так проваливай, куманек долговязый», – сказал портной. Аист поднялся вверх, свесив на лету свои длинные ноги, и преспокойно полетел вдаль.

«Что же это будет? – говорил сам себе портняга. – Голод мой все возрастает, а желудок становится все тощей и тощей; нет, уж теперь что мне на дороге попадет, то пиши пропало!»

Вот и увидел он, что на пруду плавают пара утят. «Кстати вы пожаловали», – сказал он, подхватил одного из них и собирался уже ему свернуть шею.

Тут старая утка, засевшая в камышах, стала громко кричать, подлетела к портному с раскрытым клювом и слезно его молила, чтобы он сжалился над ее несчастными детками. «Подумай, – сказала она, – как бы стала сокрушаться твоя мать, если бы кто задумал тебя у нее унести да шею тебе свернуть». – «Ну, успокойся! – сказал добродушный портной. – Твои детки останутся в целости». И он пустил утенка в пруд.

Отвернувшись от пруда, портной очутился перед старым дуплистым деревом и увидел, что дикие пчелы то и дело влетают в дупло и вылетают из него.

«Вот и награда за доброе дело готова! – воскликнул портной. – Хоть медком-то потешу себя».

Но пчелиная матка вылезла из улья, пригрозила ему и сказала: «Коли ты коснешься моего роя да вздумаешь разорить мой улей, то мы вопьемся в твое тело тысячами наших жал, словно раскаленными иглами. Если же оставишь нас в покое и пойдешь своею дорогою, то мы тоже тебе когда-нибудь пригодимся». Увидел портняга, что и здесь ничего не поделаешь. «Три блюда пустые, да и на четвертом нет ничего – с этого сыт не будешь!» – подумал он.

Потащился он со своим голодным брюхом в город, и так как был в это время полдень, то в гостиницах кушанье было уже готово и он мог тотчас же сесть за стол. Насытившись, он сказал себе: «Теперь пора и за работу!»

Походил он по городу, стал себе искать хозяина и вскоре нашел хорошее место.

А так как ремесло свое он знал основательно, то ему удалось

немного спустя приобрести известность, и все хотели непременно сшить себе платье у маленького портного.

С каждым днем его положение улучшалось. «Я, кажется, шью так же, как и прежде, – сказал он, – а между тем дела мои день ото дня идут лучше и лучше».

Наконец уж и сам король возвел его в звание своего придворного портного.

Но ведь вот как на свете бывает! В тот самый день, когда он был удостоен этой почести, его бывший товарищ тоже был возведен в придворные башмачники. Когда тот увидел портного и притом заметил, что у него целы оба глаза, его вдруг стала мучить совесть. «Прежде чем он мне станет метить, – подумал башмачник, – я постараюсь ему вырыть яму». Ну, а уж давно известно, что кто другому яму роет, нередко сам в нее попадает.

Вечерком покончив с работой, после наступления сумерек башмачник прокрался к королю и сказал: «Господин король, этот портной мастер – человек высокомерный; он похвастал как-то, будто может добыть ту золотую корону, которая с давних пор из твоей казны пропала». – «Это было бы мне очень приятно», – сказал король, приказал позвать к себе на другое утро портного и велел ему или добыть эту корону, или же навсегда покинуть город.

«Ого, – подумал портной, – уж очень он на меня надеется... И если король вздумал требовать от меня то, чего никто из людей сделать не может, так я и до завтра ждать не стану: сегодня же выеду из города».

Связал он свой узел, но едва только задумал выйти из ворот, взгрустнулось ему, что он должен покидать свое счастье и уходить из города, в котором дела у него шли так хорошо.

Он подошел к тому пруду, где познакомился с утками, и увидел, что старая утка, которой он пощадил утенка, сидит на берегу и очищает себе перья клювом.

Та его тотчас узнала и спросила, чем он так опечален. «Не мудрено запечалиться – ты это и сама поймешь, как узнаешь мое горе», – отвечал утке портной и все рассказал ей по порядку. «Ну, коли только-то, – сказала утка, – так этому горю еще

пособить можно. Та корона к нам в пруд попала и лежит на дне; мы ее тотчас и добыть можем. Ты только расстели свой платок на берегу».

Нырнула она со своими двенадцатью утятами и несколько мгновений спустя всплыла снова: она сидела внутри самой короны, а двенадцать ее утят плыли кругом, подложив свои клювы под корону и поддерживая ее на поверхности воды. Они подплыли к берегу и положили корону на платок.

И представить себе нельзя, что это была за корона, когда ее осветило солнце и она заблистала тысячами драгоценных камней! Портной связал свой платок четырьмя концами в узелок и отнес корону к королю, который себя не помнил от радости и повесил портному золотую цепь на шею.

Когда башмачник увидел, что первая проделка ему не удалась, он задумал и другую; явился к королю и сказал: «Господин король, портной-то теперь уж так вознесся, что хвалится, будто сумеет из воску слепить весь королевский замок со всем, что в замке находится».

Король позвал портного и приказал ему вылепить из воску весь королевский замок со всем, что в нем и около него находилось, а если не вылепит или не будет хватать в его слепке хоть одного гвоздя в стене, то придется ему всю жизнь просидеть в подземелье.

Портной подумал: «Ну, дело-то не к лучшему идет! Это уж никому не под силу сделать!» – вскинул узел за спину и пошел из города.

Когда он подошел к дуплистому дереву, то присел у корня его и опустил голову на грудь.

Пчелы полетели из улья, и матка пчелиная стала его спрашивать: «Почему это у тебя голова на плечах не держится? Или шея ослабела?» – «Эх, не знаешь ты, какое горе мне сердце давит», – отвечал портной и рассказал ей, чего от него король потребовал. Пчелы стали между собою жужжать и гудеть, и матка пчелиная сказала: «Ступай себе домой, приходи опять утром в это же время да приноси с собою большое покрывало – все ладно будет».

Он и вернулся домой, а пчелы полетели к королевскому замку,

влетели в его открытые окна, оползли все уголки его и самым тщательным образом все обозрели.

Потом они полетели в улей и так быстро сделали восковой слепок замка, что он словно разом вырос и поднялся.

Уже к вечеру все было готово, а когда портной пришел на другое утро, то увидел перед собою все это прекрасное здание. И вылеплено оно было гвоздок в гвоздок, черепичка в черепичку; при этом было оно тонко исполнено, бело как снег и очень приятно пахло медом.

Портной осторожно завернул это дивное произведение в свое покрывало и принес его к королю, который надивиться ему не мог, поставил его в самом большом из своих покоев и подарил портному большой каменный дом в награду.

Но башмачник не унывал и в третий раз пошел к королю. Он сказал: «Господин король, портному-то шепнул кто-то, что на дворе вашего замка вода в фонтане не бьет; так он похвастал, что может фонтан тот заставить в вышину выше человеческого роста бить, да еще притом и струя его как хрусталь чиста будет». Позвал король портного к себе и говорит ему: «Если завтра же утром не станет у меня вода во дворе струею бить, то на этом же самом дворе палач сократит твое тело на целую голову».

Бедняга-портной и раздумывать не стал и поспешил за городские ворота: а так как теперь опасность грозила его жизни, то слезы так и катились у него по щекам.

Между тем как он, грустный, шел по дороге, к нему подбежал жеребенок, которого он когда-то выпустил на волю и который успел превратиться в славного гнедого конька. «Настало теперь время, – сказал он, – когда и я могу тебе отплатить за твое доброе дело. Я уже знаю, что тебя печалит; садись же поскорее на меня верхом – я теперь таких двоих снести могу».

Портной словно ожил от этих слов: разом вскочил на коня, а конь во весь мах помчался к городу и прямо во двор замка. Там он с быстротою молнии три раза обежал кругом фонтана и затем пал наземь. И вдруг что-то страшно грохнуло: кусок земли с середины двора взлетел мигом вверх и перелетел через замок. И тотчас вслед за тем струя воды вышиною с человека на коне

стала бить вверх и была чиста, как хрусталь, и солнце играло в ней своими разноцветными лучами.

Когда король это увидел, он вскочил от изумления, подошел к портняге и обнял его в присутствии всех.

Однако же счастье было непродолжительно. У короля дочерей было много, и притом одна красивее другой, а сына не было ни одного. И вот злой башмачник в четвертый раз пошел к королю и сказал: «Господин король, портнойто все не унимается в своем высокомерии. Теперь вот хвастает, что если бы он захотел, то аист тебе сразу бы сынка за пазухой принес!»

Король приказал позвать портного и сказал: «Если ты так сделаешь, что мне через девять дней будет сын принесен, то я выдам за тебя свою старшую дочь».

«Велика награда, – подумал про себя портняга, – чегочего из-за нее не сделал бы... Только вишни-то эти уж очень высоко висят: полезешь за ними, да подломится ветка – пожалуй, и лоб расшибешь!»

Пошел он домой, сел на свой рабочий стол, поджав ноги, и стал обдумывать, что ему делать. «Нет! – воскликнул он наконец. – Так жить нельзя спокойно! Надо отсюда уехать!» Связал свой узелок и поспешил выйти из города.

Как вышел на луга, так и увидел там своего приятеля аиста, который, словно ученый муж, преважно расхаживал взад и вперед, иногда приостанавливался, достаивал лягушку своего особого внимания и наконец ее проглатывал.

Аист подошел к Портному и с ним поздоровался. «Вижу я, что у тебя котомка за плечами; зачем же ты задумал покинуть город?» Портной рассказал ему, чего король от него потребовал, а он исполнить не может, и пожаловался на свою горькую участь.

«Ну, ты из-за этого не очень тужи, – сказал аист, – в этой беде я тебе помогу. Давным-давно уже ношу я в этот город младенцев в пеленках, отчего же мне и принца не принести? Ступай себе домой и будь спокоен. От нынешнего дня через девять дней приходи в королевский замок – и я туда же прибуду».

Пошел портняга домой и в назначенное время направился в замок. Вскоре после того прилетел и аист и постучался в окно. Портной

отворил ему, и долговязый кум осторожно вошел в окошко и пошел размеренными шагами по гладкому мраморному полу; в длинном клюве его был ребенок, прелестный как ангелочек, он протягивал ручонки к королеве.

Аист положил ей ребенка на колени, и она его целовала и миловала, и была вне себя от радости. Аист же перед отлетом снял с себя свою дорожную сумку и передал ее королеве. Сумка набита была свертками с цветными сахарными горошинками, и королева разделила их между своими маленькими дочками.

А старшей ничего не досталось – ей дали веселого портного в мужа. «Ну, – сказал он, – теперь мне все кажется, что Бог мне на шапку послал! Видно, права была матушка, когда говорила: кто на Бога надеется да счастьем не обделен, тому пропадать не приходится».

Пришлось башмачнику тачать те башмаки, в которых портняга отплясывал на своей свадьбе; а затем ему приказано было навсегда покинуть город.

Пошел он по дороге к лесу, и она привела его к виселице; изморенный дневным жаром, терзаемый злобою и ненавистью, он бросился на землю около виселицы.

Но чуть только он закрыл глаза, собираясь заснуть, оба ворона, сидевшие на головах висельников, со зловещим карканьем слетели к нему и выклевали ему очи.

Обезумевший от боли и ужаса, он устремился в лес да там, вероятно, и сгинул, потому что с той поры никто его не видывал и о нем ничего не слыхивал.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...